

ДМИТРИЙ В. МИХЕЛЬ

РАНХиГС, Москва, Россия

Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым-энтузиастом триатлона

Рецензия на книгу: Адельфинский А.С. (2018) Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-270-281

270

По уверению автора, работа над рукописью этой книги велась всего шесть месяцев, но сбор материала и глубокое погружение в предмет началось в 2004 г., если не раньше, когда начинающий ученый-экономист и преподаватель МВТУ им. Н.Э. Баумана Андрей Адельфинский по-настоящему «заболел» триатлоном и стал участвовать в соревнованиях международного и российского уровня, а также занялся «продвижением» этого вида спорта в России, стал анализировать сопутствующие этому проблемы и пытаться их решить как в практическом плане, так и на теоретическом уровне.

В результате в издательстве «Дело» РАНХиГС увидела свет необычная книга, которую по жанру можно отнести и к дневнику полевых наблюдений, и к исследованию в духе крайне еще редких у нас *sport studies*, под которыми следует понимать всю совокупность социальных исследований спорта. Ибо спорт есть прежде всего социальный феномен исследований, где используются методы социологии, социальной антропологии и экономической теории.

«Назло рекордам» — книга не только интересная, но и знаковая. Ее «знаковость» заключается в том, что она появилась в тот самый мо-

---

Михель Дмитрий Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС. Научные интересы: медицинская антропология, социальная история медицины, социальная история науки. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Dmitriy V. Mikhel — professor of department of humanity, faculty of Liberal Arts, RANEPА Research interests: medical anthropology, social history of medicine, social history of science. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

мент, когда массовый спорт в России в очередной раз вышел из тени спорта элитарного, спорта не для всех, того самого спорта, который привычно ассоциируется с такими масштабными зрелищами, как Олимпиада или Чемпионат мира по футболу. Впрочем, насколько этот выход из тени окажется успешным и сможет ли массовый спорт выжить в новых условиях — это большой вопрос. И это один из главных вопросов книги о триатлоне — спорте «железных людей», для которых каждый старт является испытанием на прочность последовательно тремя разными способами: в заплыве на открытой воде, изнурительной многочасовой велогонке и забеге на марафонскую дистанцию (или еще большую по продолжительности).

Есть в книге и целый ряд других вопросов: «Что действительно движет людьми, участвующими в изнурительных соревнованиях без малейших шансов на выигрыш? Что мотивирует их даже платить за свое участие? Это характерно лишь для бегунов или есть подобные виды спорта? Кто и сколько на этом зарабатывает? Как работает феномен в целом и что он представляет собой как социальный институт?» [с. 15].

Спорт для всех и не для всех

271

Размышляя о феномене футбола, зоолог и антрополог Десмонд Моррис утверждал, что спорт в его современном понимании родился как культурная практика, заменившая охоту, которая была важной частью человеческого образа жизни на протяжении многих тысячелетий нашей прежней истории. С появлением сельского хозяйства и ремесленного производства хозяйственная потребность в первобытном способе добывания пропитания исчезла, но физиологическая, психологическая и социальная потребность в активном движении и азартном времяпрепровождении никуда не делась. Каналом для реализации этой неискоренимой, «животной» потребности для «цивилизованного» человека стал именно спорт [Morris, 1981, p. 10].

Автор книги руководствуется той же идеей, ссылаясь на родоначальника этологии Конрада Лоренца и называя спорт «превосходным средством социальной разрядки», «средством переориентации» присущих человеческой природе «агрессии и межгрупповой вражды», «культурно-ритуализованной формой сублимации низменных инстинктов», «очевидным субститутотом радикально-политической деятельности» [с. 276].

В таком понимании спорт, конечно, есть очень давнее проявление человеческой природы и почтенный по возрасту социальный институт, но при этом устройство этого института за последнее столетие изменилось. Автор справедливо указывает на то, что на исходе XIX в. в развитых странах мира сложилось представление о спор-

те как двучленной структуре: с одной стороны, элитный спорт, спорт не для всех, спорт большой политики и больших достижений, с другой — массовый спорт, спорт для всех или физическая культура. Между двумя сторонами этой структуры существует связь, которую обычно понимают так, как в свое время это предложил основатель современного олимпийского движения, француз Пьер де Кубертен: «Для того чтобы сто человек занимались физической культурой, нужно, чтобы пятьдесят человек занимались спортом; для того чтобы пятьдесят человек занимались спортом, нужно, чтобы двадцать человек были спортсменами-специалистами; для того чтобы двадцать человек были специалистами, нужно, чтобы пять человек могли показать удивительные достижения» [с. 19].

272

Спорт для всех или физическая культура, с точки зрения этой кубертеновской логики олимпизма, мыслится как резерв и прочное основание для спорта высших достижений, спорта Олимпиад и чемпионатов, который оказывается вершиной упомянутой выше двучленной структуры, определяемой автором книги как «пирамида». Для Кубертена, как и его преемников по Международному олимпийскому комитету, было совершенно понятно, что спорт рекордов невозможен без подпитки со стороны массового спорта, но при этом, согласно логике олимпизма, начинать надо всегда сверху, причем как в общефилософском, так и в административно-экономическом смысле. Так, всего несколько лет назад Жак Рогге (президент МОК с 2001 по 2013 г.) утверждал: «Я верю в массовый спорт, но если расставлять приоритеты, то я начал бы с вложения средств в элитный спорт, а затем вовлекал бы в спортивную орбиту все больше людей. В противном случае вы построите нежизнеспособную систему» [с. 20].

Точка зрения Кубертена-Рогге (логика олимпизма), как показано в книге, обычно является крайне губительной для развития спорта для всех. МОК как главный управленческий орган всего мирового спорта вместе со всеми сопутствующими ему международными институтами, такими как Международный спортивный суд (CAS) и Всемирное антидопинговое агентство (WADA), подталкивает правительства всех стран к тому, чтобы они уделяли приоритетное внимание именно спорту олимпиад и чемпионатов. Отсюда берет начало практика распределения денежных средств на развитие национального спорта, при которой все большая их доля уходит на элитный спорт с его зрелищными формами, тогда как спорту для всех — студенческому, детскому, народному — достаются крохи.

В СССР соответствующая практика начала складываться в 1930-е годы, когда тогдашние патроны отечественного спорта перестали критиковать «рекордизм» и «чемпионство» и призвали советских атлетов «бить рекорды» [с. 316]. Советская модель организации

спорта была унаследована и в современной России, где массовый спорт также занял маргинальное положение в сознании основных практиков и теоретиков спорта (спортивных педагогов и тренерского корпуса, прежде всего) и в сознании спортивных чиновников и политических управленцев. Характерный пример такого подхода — государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» на 2013–2020 гг. В первой ее версии (20.03.2013) правительство планировало направить на развитие массового спорта 19,9% от общего объема всех выделяемых средств, тогда как в финальной редакции (15.04.2014) на эти цели выделено всего 4,6% [с. 26–27].

Финансирование спорта для всех по остаточному принципу, как показано в книге, есть нормальная логика для приверженцев олимпизма. Согласно ей, спорт высших достижений должен совершенно подчинить «меньшего брата». Именно поэтому огромных стадионов должно, кажется, строиться больше, а маленьких площадок для всех желающих заниматься обычным спортом — меньше или не строиться совсем. В противовес этой логике, как выясняется, существует и совершенно другая, которая развивается снизу и придерживается иных принципов — самоорганизации, самообеспечения, самофинансирования. Именно эта альтернативная логика позволяет массовому спорту выживать в условиях практически полного невнимания к нему со стороны правительств и спортивного истеблишмента, которые при этом поддерживают риторику о необходимости поддержки спорта для «мальчишек и девчонок» и важности «заботы о здоровье нации».

Речь идет о логике, обеспечивающей выживание именно тех видов спортивной активности, которые не являются зрелищными, не требуют больших стадионов, существенных расходов и могут считаться общедоступными. В книге «Назло рекордам» к их числу относят прежде всего лыжные гонки, заплывы на открытой воде, шоссейные велосипедные гонки, бег на длинные дистанции и различные варианты их комбинаций, одной из которых является триатлон.

Отличительной приметой спорта для всех является возраст его участников. В многочисленных табличках и цифровых данных, которыми богата книга, регулярно указывается на то, что типичным представителем массового спорта является атлет среднего или даже пожилого возраста, «ветеран». Почти всегда этот спортсмен-ветеран занят тем, что соревнуется в первую очередь с самим собой или в лучшем случае с парой-тройкой своих знакомых, таких же, как он сам, ветеранов. Он далек от мысли ставить рекорды, а зачастую и вообще бежит им назло. Для спорта рекордсменов такой тип спортсмена всегда является неудобным и нежелательным, как тот знаменитый

«старик Бэйли», «настоящее проклятье для организаторов пробегов, которым не очень нравилась перспектива каждый раз дожидаться его на финише в сумерках» [с. 122]. Как показывает автор книги, непочтительное отношение к ординарным атлетам — вещь крайне характерная для подавляющего большинства спортивных ситуаций как для западного мира второй половины 1940-х, так и, например, для чемпионата России по триатлону 2005 г. в Пензе, где судьи и организаторы соревнований пытались насильно снять с дистанции российских «стариков Бэйли», поскольку они-де слишком отстают от основной массы участников [с. 122-123].

И все-таки, несмотря на предвзятое отношение к «ветеранам» во время соревнований со стороны организаторов, «ветеранский», «массовый спорт» продолжает существовать, демонстрируя способность занимать социально-экологические ниши, которые не захвачены «логикой олимпизма» и «этосом рекордизма». Хорошим примером как раз является триатлон.

Триатлон как он есть

274

Триатлон — спорт «железных людей». Символическое название прикрепило к этому виду троеборья после того, как 18 февраля 1978 г. на гавайском острове Оаху состоялись первые соревнования из серии Ironman. Они включали в себя плавание вдоль пляжа Вайкики (3,86 км), велогонку вокруг всего острова (180 км) и марафонский бег (42,2 км). «Вам будет чем похвастаться на склоне лет!», сообщалось в рукописной афише, разосланной командером ВМС США Джоном Коллинзом по местным любительским клубам. На старт вышло пятнадцать мужчин, из которых двенадцать, включая самого Коллинза, успешно завершили дистанцию. Первым финишировал Гордон Халлер, водитель такси из Гонолулу, результат которого составил 11 часов 46 минут и 58 секунд. Все пришедшие на финиш получили в подарок памятную майку и фигурку человечка из железных труб [Адельфинский, 2006].

Предыстория соревнований на Гавайях сравнительно коротка. Она связана с именем американца из Сан-Диего Джека Джонстона, который в 1971 г. увлекся популярным тогда бегом трусцой, главным пропагандистом которого в советское время считался новозеландский тренер Артур Лидьярд. Поначалу для Джонстона моральным обоснованием интереса к бегу являлся мотив обретения юношеской стройности, т. е. идея поддержания здоровья через занятия спортом, которую продвигали Лидьярд, Кеннет Купер и подобные авторы. Однако, пристрастившись к бегу, Джонстон вскоре стал искать поводов для участия в любительских соревнованиях.

В 1973 г. он познакомился с Доном Шанаханом — фанатом велоспорта; вместе они придумали соединить три «ветеранских» вида спорта — бег на длинную дистанцию, плавание на открытой воде и велогонку. Соревнование по новому виду спорта — триатлону — решили провести в беговом клубе Сан-Диего. Первый триатлон в Сан-Диего состоялся 25 сентября 1974 г. Он включал в себя велозаезд на 5 миль, бег на 6 миль и плавание на 500 ярдов. На старт вышли 46 атлетов, а сам главный организатор — учитель математики Джонстон — прибежал шестым. Участником памятной гонки был и Джон Коллинз, который «затем масштабировал концепт в нечто невероятное». Важное значение такого рода экспериментам придала и публикация Барри МакДермотта в «Sports Illustrated» в мае 1979 г., который в ироничном тоне изложил историю первого Ironman на Гавайях: «Главное в этом соревновании — его очевидная бессмысленность». Эффект публикации был обратный тому, на который, видимо, рассчитывал ее автор. Уже в следующем году соревнования подобного рода стали проводиться в других местах, в том числе в социалистической Чехословакии [с. 169-171; Адельфинский, 2006].

Попытки понять триатлон изнутри, представленные в книге, показывают, что основные цели участников можно разделить на три типа: «быть в форме» (for fit), «ради развлечения» (for fun), «ради вызова» (for challenge). Логика fit-fun-challenge — это собственно и есть логика, альтернативная олимпизму. Свои ощущения от участия в соревнованиях по триатлону автор «Назло рекордам», как правило, не высказывает, но зато часто цитирует мнения других участников таких состязаний, в том числе тех, кто пытался бегать длинные кроссы и заниматься чем-то похожим на триатлон еще в советскую эпоху. «Бежишь словно на автопилоте. Спрашиваешь себя: “А зачем нужно это кошмарное самоистязание?”. Но разум просто не способен напрячься, чтобы ответить. Зато нет более упоительного мгновения в триатлоне, чем небесные минуты после финиша» [с. 79].

Для участников марафонских забегов и триатлетов из числа ординарных спортсменов всякий их старт — это не просто соревнование, но и испытание на прочность, проверка себя на пределе человеческих возможностей. В этом смысле соревнования по триатлону — никакая не увеселительная прогулка, а нечто сопоставимое с тем, что испытывают на себе профессиональные спортсмены на самых сложных стартах, если не сказать больше. Триатлон — не заурядная физкультура, в том смысле как ее традиционно понимали чиновники из спорткомитетов. Цель, которую ставит перед собой ординарный спортсмен, выходящий на старт в триатлоне, столь же высока, как и цель, которую ставит элитный спортсмен. Того и другого объединяет «фактор целеполагания» [с. 80].

Сравнительная картина проведения соревнований по триатлону, представленная в книге, показывает, что их организация в России и странах Запада вплоть до самого недавнего времени осуществлялась по разным лекалам. В Германии, Франции, Австралии или США подавляющее большинство соревнований «железных людей» — это общие старты для всех участников независимо от их возраста и спортивного потенциала. По итогам соревнований все получают скромные подарки (обычно это майка), а, кроме того, участвуют в нехитрых застольях и наслаждаются музыкальными номерами, являющимися важной частью общего фестиваля. Допуск к старту не омрачается бюрократическими проволочками, а стартовый взнос как правило необременителен, что позволяет простым спортсменам принимать участие и в других таких же соревнованиях по всему миру.

276

В России с начала 2000-х, когда триатлон стал частью официального календаря спортивных мероприятий, из соревнований практически сразу были исключены все ординарные триатлеты. Упомянутые соревнования в Пензе с самого начала превратились в отборочный турнир для выявления потенциальных членов сборной страны с целью их дальнейшей отправки на международные соревнования. Попытки отечественных энтузиастов триатлона, в том числе и автора книги, изменить ситуацию постоянно наталкивались на сопротивление чиновников спорткомитета и тренерского корпуса, которые просто не понимали, чем может быть полезен западный опыт массовых стартов, коль скоро речь идет о спорте, который с 2000 г. включен в программу Олимпиад, а значит, требовал к себе соответствующего, «олимпийского», отношения.

Как показано в книге, экономика триатлона на Западе с самого начала его существования строилась на самокупаемости. Организатор первого Ironman на Гавайях старший морской офицер Коллинз провел первое мероприятие по собственной инициативе и на свои деньги. В дальнейшем экономическая база многих соревнований по триатлону тоже строилась на принципах самофинансирования. И это было довольно логично, поскольку для проведения соревнований обычно не приходилось арендовать дорогостоящие спортивные сооружения, а большинство из организаторов и сами выступали в роли участников соревнований. Тем не менее триатлон не избежал участи большинства других видов спорта, постепенно превращаясь в бизнес там, где в управление включились частные инвесторы и городские власти.

Особенно ярко это сказалось на судьбах серии Ironman. Автора идеи Коллинза командование перевело на другое место службы, и он передал свое детище на попечение владелице местного фитнес-клуба Валери Силк. При ней гонка Ironman превратилась в бренд и бизнес-

проект, а затем — в целую серию стартов под одним брендом. В 1990 г. Силк продала франшизу Ironman корпорации World Triathlon Corporation (WTC), которая стала проводить соревнования по «железному спорту» по всему миру, собирая одних только стартовых взносов на сумму более чем 25 млн долларов [с. 172, 182; Адельфинский, 2006].

В истории развития триатлона есть страницы, связанные с борьбой за мировое господство. В книге они представлены как конфликт европейских и американских представлений об организации спорта, как история борьбы за создание единого органа управления между Европейским союзом триатлона (ETU) и «американским альянсом», затем перешедшая в противостояние Международного союза триатлона (ITU) и WTC. Согласно сложившимся в Европе и разделяемым МОК представлениям, управление видом спорта и проведение соревнований национального уровня находится под эгидой некоммерческих организаций (спортивных федераций и союзов), вершиной же системы соревнований обычно является Чемпионат мира. Фактически же триатлон возник в США и стал развиваться по американской модели — в нем существовало несколько самопровозглашенных коммерческих чемпионатов, включая гавайский Ironman.

277

«Европейская фракция» искала способы утвердить приоритет над подобными чемпионатами, что не всегда совпадало с частными интересами организаторов. В итоге ITU был создан только в 1989 г., причем лишь при активной поддержке президента МОК Хуана Антонио Самаранча, который заразился идеей включить триатлон в программу Олимпиад. И хотя ITU старался избавиться от главного конкурента и даже инициировал судебные процессы против WTC, данная борьба не увенчалась успехом. Благодаря праву собственности на бренд Ironman, WTC закрепил за собой лидерство в сегменте соревнований на длинной дистанции, тогда как ITU сосредоточилась на более короткой «олимпийке» (плавание 1,5 км + велоэтап 40 км + беговой этап 10 км). При этом WTC перестала называть свои события «триатлон», учредила собственные правила и стала позиционироваться как автономный вид спорта. По итогам глобального противостояния WTC и ITU стали появляться и другие проекты, такие как Challenge, созданный в Германии. С 2012 г. ETU стал блокироваться с Challenge, «используя ее старты как площадки для официальных чемпионатов Европы» [с. 182-185].

Новейшая история триатлона в России — еще один предмет для специального изучения и, очевидно, для определенных оргвыводов. Автор «Назло рекордам» показывает, как в 2010-е в пространство российского триатлона стали вторгаться финансисты средней руки и стартаперы, устанавливающие правила игры и порядки, характерные для американской модели. В 2011 г. группа предпринимате-

лей организовала первый коммерческий триатлон, затем еще одна подобная группа заявила о желании привлечь в страну франшизу Ironman. Спустя некоторое время чиновники Министерства спорта РФ сообщили о существовании уже четырех коммерческих серий триатлонов в России: 3sport, A1, Ironstar и Titan. Причем Федерация триатлона России покровительствовала данным инициативам: в частности, проект Ironstar в 2015 г. провел дебютные соревнования под эгидой Министерства спорта РФ и ITU — чемпионат России и ETU финал кубка Европы. Быстро сложилась «система коммерческих гонок для премиум-аудитории» [с. 346].

Благодаря новым административным подходам и сопровождающим их коммерческим решениям стало понятно, что «триатлон ни разу не дешевый вид спорта» [с. 344]. Медийная раскрутка быстро повысила интерес тех, кто и прежде имел шанс продемонстрировать «железную волю» и «железный характер» — чиновников и бизнесменов. Вслед за увлечением горными лыжами, яхтами, дайвингом для них наступил черед триатлона. Констатируя этот факт, автор книги свидетельствует: «Учителей сжирают бизнесмены, инвестирующие, организующие, участвующие» [с. 349]. Мода на триатлон среди чиновников и бизнесменов закономерно вызывает раздражение отечественных физкультурников, которые возмущены вторжением элитных классов в их традиционную вотчину. Ситуация и впрямь носит парадоксальный характер. По словам любителя спорта со стажем, «пить вдруг стало дешевле, чем бегать» [с. 358].

278

Здоровье нации, фитнес-бум и перспективы массового спорта

Когда Кубертен стал пропагандировать идеи олимпизма, у него сразу же появились многочисленные оппоненты во Франции и за ее пределами. Это были главным образом представители либеральной интеллигенции, которые воспринимали физическую культуру как составную часть гигиенических программ оздоровления нации. В их числе фигурировал знаменитый П.Ф. Лесгафт, который связывал массовый спорт с задачами воспитания будущих поколений и заботой о здоровье нации [Лесгафт, 2017, с. 217-251]. Как анатом, врач и теоретик в сфере детского воспитания, Лесгафт оставил серьезный след в истории отечественных здравоохранения и педагогики, но приходится констатировать, что его представления были преданы забвению спортивными теоретиками и практиками на фоне произошедшего в 1930-е годы поворота к «рекордизму» и «чемпионству».

Причины, по которым этос «рекордизма» вытесняет этос массового участия в спортивных мероприятиях, хорошо и подробно описаны в книге. Одно из характерных объяснений связано с концепцией

агрессии К. Лоренца: спорт позволяет сублимировать природную агрессию человека, а, кроме того, помогает переживать за представителей «своей» группы, с которой каждый из нас эмоционально связан. Поэтому болельщики столь страстно поддерживают свои команды и с легкостью готовы ринуться в схватку со всеми, кто несет угрозу их флагу и групповой идентичности.

Как показано в книге, этим с готовностью пользуются предприниматели, когда строят большие стадионы, покупают спортсменов или целые команды для тех или иных городов. Как правило, это наносит ущерб местному или даже национальному бюджету, но разве возможно устоять при мысли о том, что «наши» теперь обязательно выиграют, а очередные Нью-Васюки станут главным центром галактического спорта [с. 243-244]?

Когда в середине 1920-х Владимир Маяковский посетил США, он критически отнесся к американскому восприятию спорта: десятки тысяч болельщиков приходят на стадионы, но сами они в большинстве своем тщедушны и хилы [с. 284]. В те же самые годы в СССР реализовывался другой подход: спорт становился делом «для всех», а западная модель «рекордизма» осуждалась как неприемлемая. Вопрос о здоровье нации был важен не только для построения социалистического общества в целом, но и для построения крепкой армии, в частности. Такое восприятие спорта не было чем-то новым в истории: о связи между физическим развитием молодежи и потребностями вооруженных сил государства говорили многие ученые и общественные деятели и в XIX в., и даже в XVIII в. Но, как показано в книге, связь между такими словами и делом всегда оставалась зыбкой. Автор «Назло рекордам» считает, что все изменилось лишь в начале 1960-х, когда в США президентом стал Джон Кеннеди — человек не самого крепкого здоровья, всерьез увлеченный спортом [с. 285-289].

В период сравнительно непродолжительного президентства Кеннеди удалось личным примером и решительными административными действиями радикально изменить отношение американского общества к спорту. Из нации болельщиков американцы превратились в действующих спортсменов. Кабинет Кеннеди проводил в жизнь следующую политику: «стране нужен не чемпион, а средний класс спортсменов; надо не смотреть соревнования, а заниматься спортом» [с. 293]. Заданный Кеннеди вектор продолжился и после его трагической смерти. 1960-е годы в США отмечены бумом фитнеса, который стал столь же заметным социальным явлением, как протесты против войны во Вьетнаме, борьба за права женщин и др. Одним из отголосков этого бума стало массовое увлечение бегом, а затем и появление триатлона. В книге подчеркивается четкая связь между спортивной политикой Кеннеди и рождением триатлона в Сан-Диего (1973) [с. 305].

Глобальное распространение фитнеса началось в 1980-е. Составными его частями стали аэробика с миллионами ее поклонников по всему миру, дистанционный бег, поездки на горном велосипеде, плавание на открытой воде и, по-видимому, бодибилдинг. Появление триатлона в нашей стране, несомненно, также связано с глобальным фитнес-процессом. Правда, в России он затянулся, натолкнувшись на реалии социально-экономического кризиса, начавшегося в конце 1980-х. Характерный индикатор данного фитнес-процесса — представленная автором статистика участия в крупнейшем марафонском забеге России. С 1981 по 2012 г. это Московский международный марафон мира (ММММ), с 2013 г. — пришедший ему на смену Московский марафон (ММ).

280 В книге приводится подробный анализ внутренней кухни этой около-беговой истории. После пика в 1990 г. число участников ММММ катастрофически снизилось к 1993 г. и затем сохранялось стабильно небольшим вплоть до начала 2010-х. Вполне вероятно, что это снижение популярности бега является непосредственным отражением не самого успешного периода в новейшей российской истории. На смену ММММ был учрежден ММ, что сопровождалось восьмикратным ростом числа финишеров в течение пяти лет, с 2011 по 2016 г. Этот конкретный успех и рост популярности дистанционного бега в целом были связаны главным образом с мощной рекламной кампанией международного бренда спортивной экипировки, направленной на продвижение бега как формы досуга.

В итоге произошло восстановление старого фитнес-процесса, но уже в эпоху смартфонов и соцсетей. Параллельно Москомспорт поручил организацию наиболее массовых беговых событий столицы, включая главный марафон России, новым, более предприимчивым организаторам, которые смогли не только успешно воспользоваться сложившейся конъюнктурой, но и даже извлечь из бега прибыль. Впрочем, несмотря на весьма высокие оценки со стороны участников и свидетелей новых соревнований, у них выявилась масса недостатков. Атлеты жаловались, что по сравнению с серией ММММ у новых организаторов стартовые взносы за пять лет выросли на порядок (со 100 рублей до 1000–2000 рублей за 10 км). Кроме того, у новых организаторов возникли проблемы с устройением забегов, похоже, ставшие традиционными, — неудобства для участников, неумелая работа на отдельных этапах, поздняя публикация протоколов соревнований [с. 320–326].

Размышляя о перспективах «Московского марафона», а также о других событиях в сфере нового российского массового спорта, автор постоянно задается вопросом: можно ли развивать спорт для всех в условиях давления на него со стороны чиновничества и ма-

лого бизнеса? Найдутся ли среди новейшей российской элиты представители, которые смогут вернуть «массовому спорту его прежнюю доступность?». Пока на этот вопрос ответа у автора нет [с. 380].

Возможно, на этот вопрос смогут найти ответ другие исследователи в сфере *sport studies*. В любом случае «Назло рекордам» — это та книга, в которой такой вопрос не только был поставлен, но и глубоко изучен, по крайней мере на примере такого вида спорта, как триатлон. Бесспорно, и сама книга в целом также не останется без внимания как у многочисленных специалистов, занимающихся экономикой и социологией спорта, так и у более широкой аудитории.

Библиография

- Адельфинский А. (2006) История триатлона — от «Бега с Лидьярдом» до Олимпиады. *TriathlonMasters.ru*. (<http://www.triathlonmasters.ru/history.htm>)
- Лесгафт П.Ф. (2017) Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. *Педагогика. Избранные труды*. М.: Юрайт: 217-251.
- Morris D. (1981) *The Soccer Tribe*, London: Jonathan Cape.

References

- Adel'finskiy A. (2006) *Istoriya triatlona — ot "Bega s Lid'yardom" do Olimpiady* [A History of Triathlon: from "Run with Lidyard" to Olympic Game]. *TriathlonMasters.ru*. (<http://www.triathlonmasters.ru/history.htm>)
- Lesgaft P.F. (2017) *Rukovodstvo po fizicheskomu obrazovaniyu detei shkol'nogo vozrasta* [Manual on physical education of school-children]. *Pedagogika. Izbrannye Trudy* [Pedagogics. Selected works], М.: Yurait: 217-251.
- Morris D. (1981) *The Soccer Tribe*, London: Jonathan Cape.

Рекомендация для цитирования / For citations:

- Михель Д.В. (2018) Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым-энтузиастом триатлона. Рецензия на книгу: Адельфинский А.С. (2018) Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. *Социология власти*, 30 (2): 270-281.
- Mikhel D.V. (2018) Mass Sport from the Inside: A Participant Observation Experience Presented by A Scientist and Triathlete. Review: Adelfinskiy A.S. (2018) In Spite of Records. *Mass Sport Investigation Experience*, М.: Izdatelskiy dom "Delo". *Sociology of Power*, 30 (2): 270-281.

Поступила в редакцию: 11.06.2018; принята в печать: 26.06.2018